

Gender asymmetry in politics: regional aspect

Krasilnikova, Oхана; Красильникова, Оксана

Veröffentlichungsversion / Published Version

Sammelwerksbeitrag / collection article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Krasilnikova, O., & Красильникова, O. (2007). Gender asymmetry in politics: regional aspect. In I. Nazarova (Ed.), *Гендерные стереотипы в современной России* (pp. 275-291). Moskau: Maks-press. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-325682>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer CC BY Lizenz (Namensnennung) zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den CC-Lizenzen finden Sie hier: <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.de>

Terms of use:

This document is made available under a CC BY Licence (Attribution). For more information see: <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

О.В. Красильникова

доцент кафедры истории
Камской государственной инженерно-
экономической академии,
г. Набережные Челны

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В ПОЛИТИКЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Женщины-политики в России занимают весьма скромное место, а ведь уровень демократизации общества напрямую связан с этим показателем. Например, значительную роль в парламентах демократических и социально-ориентированных стран играют женщины: в Швеции – 46%, в Норвегии – 39%, в Дании – 33%, в Голландии – 31%. А в России, даже в «самые лучшие времена», т.е. в 1993 г., в Государственной Думе женщины-депутаты составляли – 13,5% (61 место). Повторить этот успех женщинам больше не удавалось: в 1995 г. в нижней палате парламента их было 46, в 1999 г. – 35, а в 2005 г. – 45. Такая картина складывается, несмотря на то, что женщины чаще, по сравнению с мужчинами, используют свое активное избирательное право (право избирать) и численно женское население страны превалирует над мужским, кроме того, доля женщин электорального возраста постоянно растет.

Если же сравнивать статистику советского и постсоветского времени, то и здесь результаты совсем не впечатляют. Гендерные распределения представляют собой пирамиду – где больше власти, там меньше женщин. При Л. Брежнев в политической элите было 3,9% женщин, при М. Горбачеве – 5,7%, а при Б. Ельцине – 2,3%. Подобная ситуация складывается и в регио-

нальных парламентах, причем в некоторых из них нет ни одной женщины, в других – одна,

как было одно время в Совете Федерации. Лишь в отдельных регионах России женщины играют заметную роль: в Санкт-Петербурге, Томской, Кемеровской областях, но и в этих случаях политологи указывают, что «увидев, женщину в политике, ищи рядом мужчину, который ей помог оказаться там».

Почему же женщины не могут самостоятельно занять достойное место в политике, ведь ценз пола давно упразднен? Женщины-суфражистки добились его отмены в Новой Зеландии еще в 1883 г., Россия эмансипировалась по этому признаку в 1917 г., раньше, чем США, Франция, Италия или Бельгия. Ответ на вопрос не так очевиден и радикален, как это может показаться на первый взгляд. Специалисты в разных областях при ответе на него делают акценты на различных факторах. Попробуем и мы ответить на этот непростой вопрос, воспользовавшись гендерным подходом.

«Женщины аполитичны – таково заключение многих исследований, основанных на изучении факторов сравнительной эмпирической политологии»¹, – утверждает германский политолог М. Грайфенхаген. Действительно ли существует в политическом сознании и поведении асимметрия по принципу пола, и является ли гендерная принадлежность доминантным фактором, определяющим расстановку сил в политической сфере?

Гендерные аспекты политической культуры (взгляд сквозь призму социологического исследования). Для получения ответов на эти и другие вопросы в 1999 г. в Набережных Челнах проводилось социологическое исследование. Хотя опросами были охвачены 357 респондентов, распределение опрошенных по национальности, полу, возрасту соответствовало статистическим показателям, что обеспечивало репрезентативность работы. Вы-

¹ Грайфенхаген М. Власть и мораль: о значении ценностей для политики, ориентированной на будущее // Политическая культура и власть в западных демократиях и в России: Проблемно-тематический сборник. М., 1997. С. 19–178.

борка осуществлялась методом квот, который удовлетворяет исследователей по критериям высокой точности и экономичности. Анкета содержала 50 вопросов, позволяющих выявить уровень политической эффективности и информированности респондентов.

Опрос показал, что женщины чаще, чем мужчины затруднялись отвечать на вопросы о политике и политических предпочтениях. Разница наблюдалась от нескольких процентов до трехкратного превышения числа женщин, которые не смогли определиться по тому или иному пункту по сравнению с количеством мужчин, которые испытывали подобные затруднения.

Объяснять это отсутствием компетентности, заинтересованности, по-видимому, было бы неверно. Возможно, данный факт свидетельствовал о том, что женщины осторожнее в оценках, менее решительны, более ответственно подходят к принятию решений. В ответах на отчасти риторический вопрос: «Когда на Руси жилось хорошо?» мнения мужчин и женщин были близки, их отличала лишь небольшая процентная разница. При этом большинство опрошенных выбрали брежневский период, а женщины по сравнению с мужчинами в целом менее оптимистично оценивали различные периоды истории страны.

В ответах на вопрос: «Какую кандидатуру бы вы поддержали на выборах президента РФ, если бы выборы состоялись завтра?» ярких различий зафиксировано не было, хотя можно отметить, что у В. Жириновского потенциальный электорат мужского пола, мужчины оказались конкретнее в своих предпочтениях, а более трети всех респонденток не смогли определиться по данному вопросу (табл. 1).

А вот ответы на один из самых показательных вопросов анкеты: «На какой кандидатуре вы бы остановили свой выбор, если бы от одной партии шли два человека?».

Таблица 1.

**Предпочтения в выборе кандидатуры,
если бы от одной партии шли два человека**

Респонденты	Выбрал бы мужчину	Выбрал бы женщину	Главное – деловые качества, пол не имеет значения	Затрудняюсь ответить
Женщины	21,7	7,9	66,1	4,2
Мужчины	37,2	1,7	59,3	1,7

Свыше 20% женщин однозначно ответили, что выбрали бы мужчину, в то время как среди мужчин поддержали бы женщину менее 2% респондентов. Сами респондентки тоже не считают, что место женщины – в политике, лишь около 8% женщин отдают предпочтение, при прочих равных условиях, женщине. Данные результаты позволяют сделать следующий вывод: хотя женская эмансипация зафиксирована рядом законодательных актов, в сознании избирателей женщины еще не заняли достойного равноправного места, политика до сих пор не стала местом, куда на равных допускаются женщины, кстати, статистика данное положение подтверждает. Вывод напрашивается один: делать ставку на женщину весьма рискованно, шансы женщин занять значимое место на политическом Олимпе очень невелики – электорат не спешит поддерживать женские кандидатуры.

Анализ степени доверия к кандидатам показывает: мужчины более склонны доверять политикам – 60,8%; женщины чаще с сомнением смотрят как на беспартийных кандидатов, так и партийных лидеров, лишь 42,8% выражают им доверие.

Отвечая на вопрос: «Кому должна принадлежать власть в городе», в три раза больше женщин, нежели мужчин вновь выбрали подсказку «не знаю». При этом ни одна женщина не предложила свой вариант управления, среди мужчин такие предложения были.

Опрошенным предлагалось оценить деятельность парламента Республики Татарстан. Каждая вторая женщина ответила, что не может оценить его деятельность и даже не знает, как называется парламент республики. Выяснилось, что среди мужчин также большой процент тех, кто не знает название, несмот-

ря на то, что опрос проводился за два месяца до выборов в Государственный совет и определенная агитация уже велась. Комментарии, как говорится, излишни – это уже не просто женская неинформированность, а в целом равнодушие электората от выборов до выборов к власти.

Разные ответы были получены на вопрос: «Нужна ли в России сейчас диктатура?» Почти 42% мужчин ответили утвердительно на такой спорный вопрос, женщины опять оказались осторожнее в оценках – 32,8%, а каждая третья выбрала подсказку «трудно сказать».

Среди факторов, влияющих на «политическое настроение», мужчины отмечали чаще всего «собственные убеждения». Женщины же таким фактором называли средства массовой информации. Третье место по предпочтительности у мужчин получило «общественное настроение», а у женщин – «опыт».

Респондентам было предложено выбрать термины, которые у них вызывают положительные эмоции. Мнения опрошенных вновь разошлись: наиболее предпочтительными для мужчин оказались: «демократия» и «рыночные отношения», а женщины выбрали – «гласность», хотя снова обращает на себя внимание высокий процент женщин, которые не смогли определиться.

«Имеют ли право сталинисты открыто выступать и пропагандировать свои взгляды?» – этот вопрос был задан с целью выяснить, насколько терпимы респонденты к непопулярным мнениям, наблюдаются ли в обществе ростки политической культуры демократического типа, которая характеризуется толерантностью. Опрос показал, что мужчины более склонны к восприятию различных мнений, таких оказалось 53,5%, среди женщин плюрализм мнений поддерживают лишь 40,5% опрошенных.

Интересные ответы были получены на вопрос о причине, по которой респондент голосует за того или иного кандидата. Почти половина опрошенных того и другого пола ответили, что голосуют за кандидата, потому что удовлетворены его политической программой, но результаты исследования дают основания пола-

гать, что совсем небольшая часть избирателей имеет четкое представление о программе кандидата и многие оценивают лишь его личные качества. Каждая пятая женщина заявила, что будет голосовать за кандидата, потому что он приятный во всех отношениях человек. Некоторых мужчин не удовлетворили представленные в анкете «подсказки», и они вписывали свой вариант, среди женщин таких «инициатив» было значительно меньше.

Степень политической вовлеченности измерялась, в том числе, намерением участвовать в выборах. В избирательных кампаниях местного и регионального уровней, т.е. на выборах президента Республики Татарстан, Госсовета и горсовета собирались активнее участвовать женщины, а на федеральных – мужчины. Причем у мужчин процент потенциальных участников увеличивался в соответствии с масштабами выборов, у женщин такой четкой корреляции не наблюдалось. При этом мужчины оказывались увереннее в своих будущих решениях, а женщины осторожнее, и только по выборам президента Республики Татарстан и Российской Федерации их позиции были выражены достаточно четко.

Большинство мужчин и женщин отметили сохранение и увеличение интереса к политике, хотя некоторые женщины подчеркнули, что их интерес к политике уменьшился, а каждая пятая женщина зафиксировала отсутствие интереса к политике.

Опрос показал, что в целом протестная активность не является высокой, однако мужчины снова оказались активнее женщин. На вопрос: «Готовы ли вы участвовать в политических акциях с использованием противозаконных средств?» 9,3% мужчин дали положительный ответ, среди женщин таких оказалось лишь 2,6%.

Источники политических новостей также отчасти различаются. На первом месте для обеих групп находится телевидение, но женщины получают политинформацию по радио больше, чем мужчины. Мужской электорат часто черпает новости из газет, а женщин больше привлекают журналы.

К сожалению, большинство опрошенных граждан не счи-

тают эффективным свое участие в политике. Всего 8,7% мужчин и 3,7% женщин указали, что они могут влиять на политику.

Резюмируя, подчеркнем, что в политической культуре мужчин и женщин можно отметить лишь *определенные* гендерные различия, которые обусловлены рядом субъективных и объективных факторов, а выводы о полной женской аполитичности представляются некорректными. Несмотря на то, что выборные должности по-прежнему в основном занимают мужчины, женщины не менее активно, а иногда и более энергично участвуют в голосовании, быть может, потому, что это «наименее требовательная форма участия»². Становясь субъектами политики в эти дни, они, безусловно, своими электоральными действиями оказывают существенное влияние на политику. Политическое участие женщин характеризуется высокой ориентацией на поддержание социального гомеостаза и выбором легитимных средств, хотя эту направленность нельзя гипертрофировать, учитывая деятельность разного рода экстремисток.

Гендерные аспекты электорального поведения и избирательные кампании в Республике Татарстан (1991–2005 гг.).

Формирование демократической политической сферы в Республике Татарстан, как и в других регионах России, началось не с чистого листа. Политический облик республики уже давно сложился и оформился, поэтому демократизация пошла в режиме трансформации от существующих форм управления к новым. При этом отличительной чертой татарстанского процесса был консерватизм, причем воспринимаемый не с негативным оттенком, а как конструктивный фактор. Поэтому демократические новации, в том числе избирательные процедуры, внедряемые российскими властями во всех субъектах федерации, воспринимались в республике отнюдь не с энтузиазмом. Власти стремились сохранить *status quo*, добиваясь создания государства в государстве. На протяжении почти десятилетия отношения между Республикой Татарстан и Россией определя-

² Мелкумов А.А. Политическая культура Канады: концептуальный аспект: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 1996.

лись отдельным договором, и руководство сохраняло прежнюю конфигурацию власти. Однако с приходом к власти второго президента России ситуация стала меняться: корректировка избирательного законодательства привела к некоторым кадровым перестановкам (хотя сущность власти осталась неизменной).

Последнее десятилетие XX в. было отмечено тремя президентскими кампаниями федерального масштаба: 1991, 1996, 2000 гг., в которых боролись за президентское кресло преимущественно мужчины (исключение составляла Э. Памфилова в 2000 г.). Это понятно, ведь кроме особенностей политической культуры, влияющей на электоральный выбор, исследователи отмечают, что «методы общения власти с оппозицией слишком жестки для женщин»³, поэтому паритета в данной сфере пока не наблюдается.

В 2004 г. в данное противоборство вступила И. Хакамада, которая соответствовала эпитетам «железная» или «стальная» леди и могла на равных с мужчинами вести борьбу за власть. Как же проголосовали татарстанские избиратели? Результаты в республике отличались от общероссийских: если в России И. Хакамада не попала в тройку лидеров, то в Татарстане она заняла третье место, уступив только нынешнему президенту и представителю КПРФ. Примечательно, что наибольшее число голосов претендентка набрала в городах (например, в Набережных Челнах – 4,65%) и минимальное – в районах (весьма «сомнительных» в электоральном отношении, например в Менделеевском районе – 0,25%, где за В.В. Путина проголосовали свыше 97%, а на избирательные участки явилось больше выборщиков, чем было внесено в списки).

На других выборах федерального уровня – в Госдуму – по партийным спискам партия «Женщины России» в Республике

³ Беляев В.А., Акмалова Л.Ш., Сизова Г.Т. Формы участия женщин в политике // Становление многопартийности в России: региональный аспект (тезисы докладов и сообщений). Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. С. 1–67.

Татарстан, как и по всей России, начав с успешного дебюта в 1993 г. – 7,66%, постепенно растеряла свой электорат (1995 г. – 3,7%; 1999 г. – 1,8%) и в 2003 г. уже не участвовала самостоятельно в избирательном марафоне. Проанализируем эти результаты: в 1993 г. отношение татарстанцев к российским событиям оценивалось как мультиполярное. Определенная доля электората, считая себя россиянами, безусловно, воспринимала происходящие в России процессы как напрямую связанные с Татарстаном⁴. Другие же граждане резко отрицательно относились к действиям правительства и президента России и выступали против участия в референдуме по вопросу принятия российской Конституции, а также требовали подвергнуть обструкции выборы в Государственную Думу РФ. Политическая ситуация и активные действия противников референдума и выборов (нередко по городам в почтовые ящики бросали листовки, призывающие на выборы не ходить) привели к тому, что выборы в Татарстане не состоялись. В республике приняли участие в выборах 13,8% избирателей, т.е. менее 25% обязательных для признания выборов действительными. Достаточная явка избирателей наблюдалась лишь в Советском районе Казани, Зеленодольске и Верхнеуслонском районе, т.е. в округах с преимущественно русским населением. Своеобразный рекорд поставили жители Актаныша и Апастово (где отмечается преобладание татарского населения), на избирательные участки явились по три человека в каждом. Голоса по партийным спискам распределились следующим образом: «Выбор России» – 73 тыс., «Блок Жириновского» – 72 тыс., «Яблоко» – 37 тыс., КПРФ – 30 тыс., «Партия российского единства и согласия» – 27 тыс., «Женщины России» – 25 тыс. голосов.

Новая политическая система в начале 1990-х гг. находилась

⁴ Неучастие в российских выборах пользы Татарстану не принесет // Новая Кама. 1993. 21 декабря.

на этапе становления, поэтому разброс мнений был достаточно велик, и проправительственная партия не имела значительного перевеса. В этой обстановке относительной непредсказуемости результатов выборов партия «Женщины России» могла конкурировать наравне с другими. К 1995 г. ситуация постепенно меняется: на избирательные участки пришли почти половина выборщиков, внесенных в списки для голосования, и партия НДР уже имела приоритетные позиции в Татарстане, далеко оторвавшись от всех аутсайдеров, в то время как расколовшееся женское движение, образовавшее несколько партий, наоборот, теряло своих избирателей. В 1999 г., когда на выборы явились свыше 72% выборщиков, степень поддержки ОВР в Татарстане была еще более высокой, женские партии последний раз вступили в электоральную борьбу, но успехи их оказались весьма скромными. На выборах 2003 г., когда по опросам общественного мнения «от политики уже ничего не ждали», около 50% выборщиков Татарстана поддержали единороссов, а «Женщины России» на выборах уже не появились.

Можно заметить, что степень поддержки женских партий устойчиво коррелирует с уровнем активности избирателей на выборах и поддержкой «партии власти»⁵. Чем выше явка на выборы, тем выше уровень поддержки проправительственной партии и тем ниже процентные показатели партии «Женщины России». Здесь, по-видимому, сказывается ряд факторов, но первым из них можно назвать административный ресурс. Постепенно избирательные кампании стали сопровождаться мобилизацией всевозможных институциональных, медийных, бюджетных, регуляторных, юридических средств со стороны «партии вла-

⁵ В Республике Татарстан на выборах в Государственную Думу: 1993 г. «Выбор России» – 22,40%; 1995 г. «Наш дом – Россия» – 28,62%; 1999 г. «Отечество – Вся Россия» – 40,65%; 2003 г. «Единая Россия» – 48,67%. Как правило, особую поддержку «партиям власти» оказывали зависимые в электоральном отношении сельские районы, нежели города.

сти», поэтому адекватного отражения народного волеизъявления в электоральной статистике увидеть уже невозможно. Хотя отбрасывать такие факторы, как традиционная патриархально-патерналистская модель голосования, неспособность женщин бескомпромиссно бороться за электорат (дилемма Гейнца), отсутствие весомого женского представительства в законодательных органах власти, как практики также не стоит, но они, думается, не являются главными.

Если в 1995 г. на выборах в Государственную Думу по одномандатным округам в Татарстане женщины не использовали свое пассивное избирательное право, то в 1999 г. в Набережночелнинском округе «Российский общенародный союз» выдвинул кандидатом в депутаты Г.М. Кашапову. Хотя претендентка не являлась, мягко говоря, популярной политической деятельницей, а точнее, была совсем неизвестной, «временно безработной, бывшей помощницей депутата Госдумы», вела она себя до странного пассивно. «Соискательница народного доверия» не только не проявляла инициативы, но даже пропускала чрезвычайно важные заседания избирательной комиссии. Впрочем, и делегировавшая ее партия активной агитации не проводила, что незамедлительно сказалось на результатах голосования: в Набережных Челнах единственная женщина-кандидат получила минимальное число голосов (2,8%), да и в округе за нее проголосовали лишь 3,1% избирателей.

В 2003 г. в этом округе среди кандидатов в депутаты вновь оказалась женщина – Л.Р. Валеева. Но, к сожалению, и ее роль была временной и незавидной. Появилась она в списке кандидатов отнюдь не случайно, а благодаря новым PR-технологиям одного из кандидатов – представителя бизнес-элиты, который составлял конкуренцию выдвиженцу от «партии власти». Женщина-кандидат должна была выполнять «черновую работу»: указывать на применение кандидатом-оппонентом «административного ресурса», подавать жалобы в ЦИК в случаях нарушения законодательства и т.д., а накануне выборов заявить о сня-

тии собственной кандидатуры и обратиться к потенциальному электорату, предложив отдать голоса за «своего патрона». С этой задачей женщина успешно справилась, и кампания под руководством PR-технологов прошла великолепно, но против «административного ресурса» в Татарстане пока бороться бессмысленно, и кандидату, соперничавшему с «вечным депутатом», пришлось довольствоваться вторым местом, которое в данном случае не является призовым.

Таким образом, в Республике Татарстан на выборах в Государственную Думу по одномандатным округам реальной борьбы за избирателей женщины-кандидатки еще ни разу не вели. В этих государственных масштабах «спектаклях» все действующие лица были представлены мужчинами, а женщины принимали формальное участие, удовлетворяясь ролями «статистов».

Электоральные предпочтения на выборах регионального и местного значения. Избрание татарстанского президента в 1991 и 1996 гг. проходило на неконкурентной основе. Альтернативные выборы в республике состоялись всего однажды, в 2001 г., но стать реальными соперниками бессменному президенту Республики Татарстан представленные кандидаты не могли, и фамилии женщин в избирательном бюллетене не фигурировали. Однако действующий президент Татарстана занимает свой пост четвертый раз подряд. Сам М. Шаймиев до принятия нового федерального закона о назначении глав субъектов федерации президентом России не раз заявлял, что, по его мнению, в республике не должно быть семидесятилетнего президента и он подумывает о преемнике. Поэтому мы решили узнать, как себе представляют следующего президента студенты, самый мобильный слой общества (недавние события в Китае и на Украине яркий тому пример). Для получения ответа были подвергнуты формализованному анализу студенческие сочинения-миниатюры на тему: «Портрет будущего президента Татарстана».

Практически во всех анализируемых работах⁶ студенты отметили, что высший пост в Татарстане должен занимать мужчина. Такая гомогенность ответов легко объяснима, ведь, согласно многочисленным исследованиям, женщины, занимающие руководящие должности, воспринимаются окружающими как менее компетентные, нерешительные руководители. Исключение составило лишь одно сочинение, в котором указывалось, что президентом Татарстана, и даже России, должна быть женщина, которая смогла бы навести порядок в стране так же, как она умеет это делать и делает в своей семье, причем походя на принцессу Диану.

Долгое время гендерный ценз проявлялся в республике на всех уровнях власти, в частности, региональный парламент на половину состоял из глав администраций городов и районов, назначаемых самим президентом Татарстана, а так как женщин среди них не было, то и в Госсовете они появиться не могли. Выборы в татарстанский парламент традиционно свидетельствовали о гендерном дисбалансе: например, в 1995 г. были зарегистрированы 467 кандидатов в депутаты, из них только 35 женщин. По результатам этих выборов, мужчин в парламенте Татарстана оказалось в 25 раз больше, чем женщин, хотя потенциальный электорат республики на 54,5% состоит из женщин⁷. В 1999 г. из 130 депутатов было 6, потом 5 женщин (3,8%). Из 100 депутатов нового законодательного собрания – 13 женщин. Это,

⁶ Выборка респондентов сравнительно небольшая и, вообще говоря, не репрезентативная. Исследовались работы 78 студентов III курса, обучающихся по экономическим специальностям Набережночелнинского филиала Института экономики, управления и права (г. Казань) – 38 работ и Волжско-Камского филиала Международной российской академии туризма (г. Москва) – 40 работ, поэтому выводы следует считать предварительными.

⁷ См.: Выборы в Государственный Совет Республики Татарстан 5 марта–28 апреля 1995. Документы, материалы, результаты / Авторы-составители М.А. Сираев, Н.В. Нарышкин: Казань, 1995. С. 298.

безусловно, положительное явление, но, по оценкам экспертов ООН, женщин в представительных органах должно быть не менее 20%, чтобы социальные вопросы стали приоритетными для парламентариев. При этом данный показатель не является следствием политико-культурных подвижек и изменения гендерной ситуации, а лишь отражает влияние «административного ресурса». На самом деле гендерный состав кандидатов в депутаты в целом остался типичным для выборов подобного уровня. Например, по данным на 6 марта 2004 г., в одномандатных округах (на 50 депутатских мест) были зарегистрированы 224 кандидата, из них – 26 женщин (11,6%). Но попасть в парламент удалось всего двум. Списочный состав политических партий также не отличался гендерным паритетом: три политические организации – «Родина», РКРП-РКП и СПС вообще не включили женщин в состав кандидатов, в списке ЛДПР была одна женщина, в ПРР – две, а КПРФ, РПЖ и ПРП представили по четыре женщины. На этом фоне явно выделялась «Единая Россия», список которой на 20% состоял из представительниц «слабого пола». Это обстоятельство и изменило гендерное соотношение сил в нынешнем парламенте, так как 7-процентный избирательный барьер преодолела только эта партия.

Спустя два года после «победного марша женщин в парламент Республики Татарстан» на встрече руководителей органов власти республики с представителями СМИ одна из журналисток заявила, что она, «как женщина», не ощущает результатов изменения гендерного соотношения сил в Госсовете. В ответ на эту реплику спикер татарстанского парламента Ф. Мухаметшин позволил себе пошутить, ответив, что он, «как мужчина», тоже их не замечает.

Муниципалитеты не являются в чистом виде политическими органами, они больше все-таки занимаются хозяйственными вопросами, да и уровень власти здесь достаточно невысок. Однако местное самоуправление всегда рассматривалось как демократический показатель, поэтому обратимся к цифрам. Па-

ритета между мужчинами и женщинами, составляющими как кандидатский, так и депутатский корпус, не наблюдается. Например, в 1999 г. кандидатами в депутаты зарегистрировались 194 человека, из них 39 женщин, однако лишь четверем удалось попасть в Набережночелнинский горсовет. В ходе предвыборной кампании 2005 г. пять политических партий и объединений составили смешанные в гендерном отношении списки, которые уже фиксировали гендерную диспропорцию: из 54 кандидатов в списке «Единой России» было пять женщин, КПРФ – четыре, ЛДПР и «Российской Партии Жизни» – по две, «Татарстан – новый век» – одна. Самыми проходными оказались кандидаты единосроссов (14 мест в муниципалитете, среди них четыре женщины, кроме представительниц «ЕР» добились избрания делегатка от Общественного движения «Татарстан – новый век» и независимая соискательница). Итогом выборов 2005 г. стало увеличение числа женщин-депутаток с четырех из 50 до шести из 45.

Подводя итог всему сказанному выше, следует признать, что политическая сфера не стала полем деятельности равноправных политических акторов, а женская дискриминация в обществе до сих пор существует. При выборе руководящих органов гендерная дифференциация все еще имеет место, и приоритет остается на стороне мужчин. Дело здесь не только в политико-культурных установках и сохранении гендерных стереотипов в политическом сознании и поведении. Безусловно, сложившееся положение является следствием имитационного характера созданной демократии, которая не дает возможности функционировать гражданскому обществу и не позволяет реализовать в полной мере все присущие ему права, а отсюда делает достаточно иллюзорной саму идею достижения гендерного равенства.

Ликвидация авторитарных пережитков в форме кооптирования власти, замена нелегитимных способов осуществления властных полномочий на социально приемлемые, дальнейшая демократизация общественных отношений способны привес-

ти к постепенному изменению гендерных негативных установок, нивелированию влияния искаженных образов женщин, ликвидации гендерных перекосов в общественном сознании и политическом поведении.

Вывод исследования таков: женщины не могут занять достойного места в политике потому, что выборы представляют завуалированное электоральное удержание. При таком раскладе все надежды на гендерное равенство в политике выглядят утопически. Необходимо обеспечить внедрение в электоральную практику основного избирательного стандарта – наличия реальной политической конкуренции, без этого все остальные требования теряют смысл. Если исполнительная власть имеет эксклюзивное право решать, кого допускать к выборам представительной власти, то о какой демократии может идти речь?

Так называемое «развитие электорального права» привело к элиминации широких слоев населения из реального избирательного процесса, формированию касты бюрократов, обладающих исключительными возможностями реализовывать свои права.

Бесспорно, Закон о норме представительства женщин, давно и активно лоббируемый женскими организациями, мог бы реально повлиять на соотношение сил в органах власти и способствовал бы решению проблемы гендерного равноправия. Однако для этого нужна политическая воля первых руководителей (кстати, сложившаяся на сегодняшний день конъюнктурная ситуация в Госдуме позволяет беспрепятственно проводить практически любые решения президента).

Демократический принцип организации власти базируется на обеспечении равного представительства интересов всего населения во властных структурах. Достижение такой цели невозможно без демократизации выборного процесса, допущения к избирательным процедурам всех слоев населения, независимо от пола, вероисповедания, национальности или социального статуса. В 2007 г. состоятся парламентские выборы,

они пройдут в соответствии с новым избирательным законом, согласно которому места в высшем законодательном собрании России будут распределяться только между победившими политическими партиями. Учитывая особенности современной политической ситуации, строить оптимистичные прогнозы для женских партий крайне сложно. Чтобы женщины стали не только объектом политики, но и активными, влиятельными участницами политического процесса и государственного управления, нужно объединить усилия разрозненных женских организаций и не размывать женский электорат, стремясь к простому численному увеличению женщин в рядах неженских партий. Практика функционирования татарстанского парламента показывает, что это неэффективно, так как эти партии отстаивают свои внутрипартийные интересы и игнорируют решение «женских» проблем. Добиваться квотирования представленности женских организаций в структурах власти и требовать возвращения к 5-процентному избирательному порогу, поскольку 7-процентный барьер не позволяет разрозненным оппозиционным силам преодолеть его. А какая демократия без легальной оппозиции? «Кастрированная», как ее называют отдельные политологи.

Гендерное равноправие не может появиться рождественским подарком, за него нужно бороться, бороться на всех уровнях: законодательном, информационном, политико-культурном, идеологическом и т.д. Только активные, слаженные, координированные действия различных женских организаций могут привести к решению важнейших задач, стоящих перед российским обществом. Не стоит забывать, что Февральскую революцию начали женщины...